

Глава 3. Земной удел безвозвратен: кончина госпожи Цзя

Как бы ни сокрушались сердцем Линь Хай и маленькая Дайюй, как бы ни терзалась сама Цзя Минь мыслями о муже и дочери, уйти от предначертанного свыше им было не дано. Проболев целый год, она всё же сумела собрать последние силы, чтобы провести с близкими праздник Середины осени, но стоило луне пойти на убыль, как земной путь её завершился.

Маленькая Дайюй, стоявшая на коленях у постели матери, плакала так горько, что едва могла дышать. Цзя Минь устремила на супруга умоляющий взгляд. Линь Хай, хоть и сам едва сдерживал рвущийся из груди стон, заставил себя оставаться сильным. Ласково утешив дочку, он велел слугам увести её из покоев. Как бы ни был близок неизбежный конец, он ни за что не позволил бы столь юной девочке воочию увидеть, как испускает последний вздох её мать.

Оставшись наедине с женой, Жухай сел на край постели и бережно сжал её холодную руку. Цзя Минь, словно желая облегчить его страдания, из последних сил попыталась улыбнуться. Прерывисто вздохнув, она прошептала:

— Супруг мой... когда меня не станет, умоляю, береги себя и нашу Юй-эр. Если встретишь достойную женщину, которая разделит с тобой очаг и позаботится о тебе, не отвергай её. И не отдавай все силы государственным заботам, пощади своё здоровье...

Сердце Жухая разрывалось от боли.

— Полно, не трать силы, — мягко прервал он её. — О Юй-эр я позабочусь, обещаю тебе. Ни о чём не тревожься.

Цзя Минь попыталась поднять руку, чтобы коснуться его лица. Жухай поспешно склонился ниже, подставляя щёку под её исхудавшую, почти невесомую ладонь. Ощутив тепло его кожи, она улыбнулась умиротворённо и тихо:

— Господин мой, я ни разу в жизни не пожалела, что стала твоей женой. Одно лишь терзает мне душу — что так и не смогла подарить роду Линь наследника... Молю тебя, когда уйду... береги себя. Береги...

С этим последним словом она закрыла глаза, а безжизненная рука соскользнула вниз.

— Минь-эр! — в отчаянии вскричал Жухай, прижимая к себе её остывающее тело.

В этом крике было столько неизбывного горя, что стоявшие в отдалении слуги не выдержали и разрыдались. А за дверями покоев маленькая Дайюй, чьё лицо опухло от слёз, не вынесла обрушившейся на неё тяжести и без чувств повалилась на руки испуганной служанки.

В доме поднялся переполох. Слуги торопливо перенесли барышню в её собственный дворик,

спешно снаряжая людей за лекарем и одновременно пытаюсь донести весть до убитого горем хозяина.

Узнав об обмороке дочери, Жухай похолодел от ужаса. По счастливой случайности Старейшина Чжэн всё это время неотлучно находился в поместье, так что за ним не пришлось далеко бежать. Смерть супруги и внезапный недуг единственной дочери подкосили Жухая: земля ушла у него из-под ног, и он едва не рухнул наземь — благо верный управляющий успел подхватить его под локоть.

— Господин! — встревоженно воскликнул Линь Чэн. — Прошу вас, присядьте, отдохните хоть немного!

Жухай лишь слабо покачал головой. Минь-эр покинула этот мир, и его долг — проводить её в последний путь со всеми подобающими почестями. Превозмогая слабость и душевную боль, он лично занялся устройством похорон. Семья Линь уже несколько поколений оставалась малочисленной, прямых наследников почти не рождалось, а те сородичи, что жили в родовом гнезде в Гусу, состояли с ним в столь далёком родстве, что их узы давно вышли за пределы пяти степеней родства. Тем не менее он отправил им письмо с печальной вестью. Что же касается семьи Цзя... Каковы бы ни были прежние обиды и размолвки, ради памяти усопшей супруги Жухай решил предать их забвению и послал верного человека в столицу, чтобы официально известить родных Минь-эр о её кончине.

Увы, благородный порыв Жухая в столице не оценили. Время шло, траурные обряды в Янчжоу подошли к концу, а от дома Цзя не пришло ни весточки, ни соболезнования. Жухай с каждым днём всё больше чернел от гнева и обиды. Видя это, управляющий Линь Чэн долго не решался подойти, но когда откладывать отправление стало уже невозможно, он скрепя сердце обратился к хозяину:

— Господин, час отправления близок. Как прикажете поступить?

— Нечего больше ждать, — с трудом сдерживая гнев, ответил Жухай. — Выезжаем сейчас же. И вели слугам глаз не спускать с барышни.

Будучи облечённым важной государственной службой Инспектора соляного надзора, Жухай не имел права надолго отлучаться из Янчжоу. Однако чувство вины перед покойной супругой терзало его разум, и он не желал наносить ей посмертную обиду поспешным погребением на чужбине. К счастью, Гусу лежал совсем неподалёку. Выхлопотав несколько дней отдыха, он решил лично проводить скорбный кортеж к родовым усыпальницам. Издревле повелось, что упавшие листья должны возвращаться к корням, а усопшие — обретать покой в родной земле. Лишь после упокоения в родовой гробнице душа находит истинное пристанище, а её потомки получают право возжигать перед ней поминальные курения.

Изначально Жухай лелеял надежду дожидаться посланников из дома Цзя, дабы те выказали усопшей почтение от лица её родной семьи. Но со дня кончины Минь-эр минуло уже больше полумесяца, а из столицы так никто и не явился. И пускай путь от Бэйпина до южных земель

был неблизок, при острой нужде гонец на добром коне, скачущий день и ночь, мог бы одолеть его за четыре-пять дней.

Подавив горькую обиду, Жухай вместе с дочерью последовал за гробом в Гусу. Местный род Линь считался знатным и принадлежал к числу потомственных книжников, однако, если не считать ветви самого Жухая, выдающихся мужей он давно не порождал. Все их успехи ограничивались несколькими молодыми людьми, сдавшими экзамены на степень цзюйжэня. Для славившегося своими талантами и просвещённостью края Цзяннань это было каплей в море. Именно поэтому сородичи наперебой заискивали перед высокопоставленным соплеменником, сиюсь снискать его расположение.

Жухай прекрасно понимал, что среди его родни хватает людей пустых и корыстных. Но его собственная ветвь угасала, мужских наследников не осталось, и если самому ему поддержка клана была без надобности, то о будущем Юй-эр он забывать не мог. Одиноким сироте в этом мире не выжить без защиты крепкого рода.

Для себя Жухай давно всё решил: связывать себя узами нового брака он не собирался, хотя и предпочитал до поры помалкивать об этом. Воспользовавшись поездкой на родину, он взялся усердно осматривать родовую школу. Сородичи усмотрели в этом знак глубокой заботы о клане, и старейшины не помнили себя от радости. Он был ещё в расцвете сил, и кое-кто из излишне ретивых родственников, не чуя подвоха, уже принимался сватать ему дочерей из благородных семей, советуя подумать о новой женитьбе, как только минует год траура. Ему оставалось лишь горько усмехаться в ответ на эти неуместные речи.

Разумеется, подобные намёки он пресекал со всей строгостью, наотрез запретив даже заикаться о сватовстве. Однако, вникая в дела родовой школы, он воочию узрел причины, по которым род Линь с каждым годом приходил в упадок. Прежде Жухай, пожалуй, прошёл бы мимо, не желая взваливать на себя лишние хлопоты, но ныне, ведомый новыми помыслами, он решил, что обязан взять это дело в свои руки.

В один из дней Жухай велел созвать всех почтенных старейшин рода и главу клана. Невзирая на свой высокий чиновничий ранг и превосходство в старшинстве, он не выказывал высокомерия и держался с прибывшими подчёркнуто уважительно. Старейшины, разумеется, не осмеливались принимать его поклоны как должное, втайне недоумевая, ради чего столичный гость затеял столь важное собрание.

Когда все расселись по местам, Жухай заговорил первым:

— Почтенные дядя, старейшины и ты, глава рода, я пригласил вас сегодня, дабы обсудить одно важное дело, касающееся нас всех.

Глава рода, принадлежавший к одному поколению с Жухаем, звался Линь Цзяном. Книжная премудрость давалась ему с трудом, но в мирских делах и управлении хозяйством он выказывал недюжинную хватку. Выслушав его, он почтительно отозвался:

— Брат Жухай, говори без утайки. Наш род уже много лет пользуется твоими щедротами и покровительством. Всё, что в наших силах, мы исполним беспрекословно.

Жухай поднялся со своего места.

— Ты слишком скромн, брат. Нам не разделить иероглиф «Линь» — мы одной крови, и дела рода всегда будут моими делами. Речь пойдёт о нашей школе. На днях, поддавшись уговорам сородичей, я несколько раз навестил учеников. Быть может, мне не следовало вмешиваться, но то, что я увидел, заставило меня содрогнуться: наша школа ныне являет собой плачевное зрелище и растеряла былое величие.

Старейшины смущённо переглянулись, а Линь Цзян и вовсе потемнел от неловкости. Возразить Жухаю, чьё слово имело огромный вес, никто не посмел. Помявшись, глава рода со вздохом признался:

— Не стану лукавить перед тобой, брат. Школа действительно пришла в упадок. И первая беда в том, что мы не можем привлечь достойных учителей — на хорошее жалованье у общины нет средств. Вторая же беда — в кумовстве. Мест для учеников мало, но отказать влиятельным семьям среди сородичей я не могу. Вот и выходит, что способные дети остаются за порогом, а лоботрясы просиживают штаны. Руки у меня связаны, и сладу с этим нет.

Закончив речь, Линь Цзян густо покраснел. Быть главой большого рода — ноша не из лёгких, и простыми решениями здесь не обойтись. Род Линь издревле славился учёными мужами, но за последние годы среди них не появилось ни одного столичного мудреца, сдавшего экзамен на степень цзиньши, да и губернских выпускников становилось всё меньше. Продолжайся это и дальше, и от былой славы книжного дома не останется и следа.

Жухай, видя его растерянность, поспешил успокоить родственника:

— Не кори себя, брат, в том нет лишь твоей вины. Я собрал вас не для того, чтобы сыпать упрёками. Но если мы хотим сохранить вековое наследие нашего рода, нам придётся действовать сообща.

Тут подал голос самый почтенный из старейшин, глубокий старик, которого Жухай уважительно именовал девятым двоюродным дедом. Глухо откашлявшись, он произнёс:

— Жухай, ты среди нас — самый дальновидный и могущественный. Раз уж ты созвал нас, стариков, значит, в твоей голове уже созрел разумный план. Говори прямо, не таись! Ради будущего нашего дома мы расшибёмся в лепёшку, но поддержим твоё начинание.

Жухай почтительно поклонился старцу в знак благодарности.

— Благодарю за доверие, дедушка. Мне ведомы нужды сородичей. Учителя обходят нашу

школу стороной лишь потому, что плата за их труды ничтожно мала, а сама община едва сводит концы с концами. Моя ветвь, по милости предков, не ведает нужды в средствах, и мой долг — отплатить родному гнезду. Я безвозмездно передаю в пользование школы две сотни цинов плодородных земель. Доходы с этих угодий позволят нанять лучших наставников Поднебесной для наших сыновей.

Линь Цзян так и подскочил на месте от изумления и радости:

— Брат, неужто ты говоришь это всерьёз?! Две сотни цинов пашни!

— Разве посмел бы я шутить в присутствии старейшин? — с мягкой улыбкой возразил Жухай. Но не успел глава рода разразиться благодарностями, как он поднял руку, призывая к вниманию. — Однако выслушайте моё условие. Земли эти я отдаю с чистым сердцем, но желаю, чтобы плоды этого дара достались лишь тем детям, кто действительно стремится к знаниям и радуется об учёбе. Праздных бездельников за счёт рода я кормить не стану.

Линь Цзян осёкся и растерянно посмотрел на девятого двоюродного деда. Среди старейшин пронёсся тихий ропот. Одни согласно кивали, другие хмурились, шепчась друг с другом, но в конце концов все взгляды вновь скрестились на старце. Бардак в школе ни для кого не был секретом, но наводить там порядок — дело неблагодарное, сулящее ссоры с близкими родственниками. В любое другое время старики предпочли бы закрыть на это глаза, но Жухай разыграл безупречную партию: сначала указал на язву, а затем выкатил такое щедрое подношение, перед которым невозможно было устоять. Упускать такое богатство из-за лени и глупости дураков никто не желал.

Девятый двоюродный дед глубоко вздохнул, оглаживая седую бороду, и твёрдо произнёс:

— Раз уж Жухай являет нам столь беспримерное великодушие, мы, старики, не вправе сидеть сложа руки и безучастно смотреть, как угасает наш род. Твоё условие справедливо, внук. Ступай с миром, порядок в школе мы наведём сами.

Обретя поддержку влиятельного старца, Линь Цзян воспрянул духом. Между тем Жухай продолжил:

— Сердечно благодарю вас, дедушка. Мои заботы — лишь о благе нашей единой семьи. Но есть ещё кое-что. Проезжая по нашим землям, я заметил, что иные соплеменники прозябают в бедности. Великий грех, если способный и прилежный ребёнок лишится возможности учиться лишь из-за того, что у его родителей нет средств на тушь и бумагу. Посему я жертвую ещё сотню цинов пашни. Доход с неё пойдёт на нужды беднейших семей, дабы их сыновья могли грызть гранит науки наравне со всеми. А уж кому именно выделить это вспоможение — пусть решают почтенные старейшины вместе с главой рода.

Те из старейшин, кто ещё мгновение назад недовольно кривился из-за обещания деда устроить в школе чистку, теперь просияли. Одно дело — доходы учебного заведения, за которыми нужен строгий надзор, и совсем другое — распределение помощи бедным с целой сотни цинов земли!

Тут уж открывался знатный простор для кумовства, и каждый из них втайне надеялся пристроить к этой кормушке своих обнищавших племянников или взять малую долю за «труды».

Жухай мимоходом отметил алчные огоньки в глазах сородичей. Ему претила их мелочность, но ссориться с роднёй и устраивать разборки перед могилой жены было бы верхом неблагодария. В конце концов, совершенства в поднебесном мире не сыскать. Пускай старейшины утянут малую толику себе — главное, чтобы нуждающиеся дети действительно получили поддержку. Свою задачу он выполнил.

На том и порешили. Старейшины и глава рода ушли глубоко удовлетворёнными. Желая поскорее угодить щедрому благодетелю, они уже на следующий день созвали соплеменников и громогласно объявили о неслыханном даре Инспектора соляного надзора. Разумеется, нашлись и недовольные — те самые бездельники, чьё тёплое местечко в школе теперь оказалось под угрозой. Однако подавляющее большинство членов клана возносили Жухаю искреннюю благодарность. Внутреннее устройство дел он со спокойной душой переложил на плечи общины, более не вмешиваясь в мирские хлопоты.

Вскоре весть о щедрости господина Линя разнеслась по всем домам, и благородные матроны клана потянулись в усадьбу, дабы засвидетельствовать почтение юной Дайюй и выразить ей свою признательность. Для девочки, безутешно оплакивавшей мать, эти визиты стали спасением: необходимость принимать гостей и вести светские беседы отвлекала её от скорбных мыслей. Видя, как дочка постепенно возвращается к жизни, Жухай почувствовал, как с его сердца спадает тяжкий камень.

Время поджимало, служебный долг повелевал Жухаю спешить обратно в Янчжоу. Но перед самым отъездом он успел встретиться с новыми наставниками, которых старейшины спешно наняли из числа местных выпускников-цзюйжэней. Пускай эти книжники не хватали звёзд с небес, для обучения юношей начальным премудростям их знаний хватало с избытком. Перед лицом столь высокопоставленного чиновника новоиспечённые учителя так и рассыпались в верноподданнических поклонах, клятвенно обещая не щадить сил ради просвещения юных Линей.

Перед тем как покинуть родовое поместье, Жухай отозвал в сторону оставшегося присматривать за домом управляющего и дал ему тайный наказ: приглядываться к молодым сородичам и, если среди них обнаружится юноша выдающегося ума или редких добродетелей, немедленно слать весть в Янчжоу. Приняв все меры предосторожности и устроив дела рода, он со спокойной душой усадил Дайюй в дорожный экипаж и пустился в обратный путь к берегам Янчжоу.